

Медленное убийство

Автор:

[Марина Серова](#)

Медленное убийство

Марина Сергеевна Серова

Русский бестселлер Частный детектив Татьяна Иванова

Частный детектив Татьяна Иванова была в панике: такого клиента у нее еще никогда не было! Все предыдущие, включая чиновников самого высокого ранга и крупных бизнесменов, на его фоне не котировались. Это был Алексей Ильич Шестопалов, бессменный депутат областной думы и генеральный директор тарасовского химкомбината, настоящего государства в государстве. И если он не открывал ногой дверь в кабинет губернатора, то только от хорошего воспитания. Но вот пришел он к Татьяне в образе самого настоящего слесаря, в поношенной одежде, драном ватнике и в шапке-ушанке, и рассказал совсем уж невероятную историю...

Марина Серова

Медленное убийство

© Серова М.С., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Понедельник 26 февраля 2018 года

Просыпаться категорически не хотелось! То есть совсем! Нет, глаза-то я открыла и даже сладко потянулась, но вот вылезать из-под теплого одеяла? Нема дурных! А объяснялось все очень просто – в Тарасов пришла зима. Не ее жалкое подобие, к которому мы привыкли за последние годы, а настоящая, о которой некоторые люди (я к ним решительно не отношусь) вспоминали с грустью и ностальгией: «Эх, а вот помните, какие морозы были? А сугробы? А метели?» Довспоминались! Дотосковались! Дождались! Услышал Бог ваши молитвы!

Ну и началось! Припаркованные возле домов машины засыпало снегом так, что и крыши не видать. Сосульки своей длиной могли соперничать со сталактитами в Новоафонской пещере, но в отличие от последних занимали нехорошую привычку падать под собственной тяжестью по принципу: «Кто не спрятался, мы не виноваты». Человек двадцать пострадали, пока их принялись сбивать. После ледяного дождя началась такая гололедица, что журналисты в целях сохранения психического здоровья населения даже перестали сообщать в репортажах о новых травмах, полученных людьми на городских якобы дорогах, остановились где-то жертвах на шестидесяти, а потом – молчок. Городская администрация, поливаемая матом на всех языках нашего многонационального города, тужилась как-то исправить ситуацию, но получалось, по образному выражению Виктора Черномырдина, «как всегда», то есть через филейную часть человеческого организма, которая в первую очередь и страдает при падении на лед. И все это на фоне непрекращающихся морозов – ночью за минус двадцать, и гриппа, который вкупе с ОРВИ привел к закрытию школ на карантин. Правда, медики утверждали, что, хотя эпидпорог превышен более чем на двадцать процентов, эпидемии нет. Как они умудрились прийти к такому выводу, ни один вменяемый человек понять не в состоянии, видимо, это заявление предназначалось для невменяемых, которые еще и не в такое поверят. В общем, те, кто мог себе это позволить, выходили из дома только по жизненным показаниям. К счастью, я принадлежала к их числу, потому что работа частного детектива ни временных, ни географических привязок к какому-либо определенному месту не имеет. Кроме моей квартиры, конечно.

Как только начались морозы и все, им сопутствующее, я совершила несколько набегов на ближайший супермаркет и забила холодильник с морозильником так, что вполне могла продержаться в автономном режиме хоть до весны, благо клиентов не было. Видимо, злоумышленники залегли в зимнюю спячку и дожидались весны – ну, не сумасшедшие же они, чтобы в такую погоду кому-нибудь козни строить. Да и кому строить, если все, кому это по карману, разлетелось в теплые края, а именно они в последнее время и являются моими

клиентами, потому что для обычных граждан мои услуги дороговаты. А что делать? Репутация! Не зря же я ее потом и кровью – было! И это тоже было! – столько лет зарабатывала!

Вообще-то отсутствие клиентов меня не волновало, потому что деньги пока были. Ключевое слово «пока». К несчастью, я не отношусь к числу людей, которые умеют копить деньги: как только они у меня появляются, им тут же находится применение, причем, как показывает дальнейшее, не самое разумное. Привычки бить себя кулаками по голове после драки у меня нет. Так, выскажу в свой адрес несколько малоприятных фраз, а потом начинаю зарабатывать снова. Вот такой круговорот денег в моей человеческой природе. Но в свете вновь открывшихся обстоятельств (понимай, суровой зимы) я решила с этим беспощадно бороться и пересмотреть свои жизненные ориентиры. Ну, какой смысл ехать летом на отдых куда-нибудь в Таиланд, например, если это время и в Тарасове можно чудно провести? Нет! Ехать отдыхать надо зимой, причем на максимально долгий срок и только в теплые края, то есть летом надо зарабатывать, а зимой тратить. Есть масса чудных стран, где для россиян безвизовый режим. Провести месяц в одном месте, потом переехать в другое, затем – в третье... Размечтавшись, я решила немедленно подсчитать, в какую сумму, пусть и очень приблизительно, мне обойдется такое удовольствие, и именно это заставило меня вылезти из постели.

Накинув халат, я отправилась в кухню, чтобы сварить себе самую первую за день и поэтому самую вкусную и желанную порцию кофе, и... И тут же вылетела обратно, окончательно и бесповоротно проснувшись – в кухне был мороз. Пощелкивая зубами, я набралась мужества и совершила рывок к кухонному окну, быстро закрыла его и бросилась обратно в постель отогреться. Дело в том, что накануне я жарила котлеты, естественно полуфабрикаты, с названием «Домашние», в которых от домашних было только название. Ну, что делать, если не кулинарка я? Несколько попыток сварганить что-то самостоятельно успехом не увенчалось: это не смогла съесть не только я, но и бродячие дворовые кошки, резво сбежавшиеся на мое «кис-кис». Едва понюхав угощение, они разбежались еще резвее и больше на мои провокации не поддавались. С тех пор при виде меня они вообще мгновенно исчезают с искусством матерых ниндзя. Так вот, в процессе жарки котлет я нагадила так, что приоткрыла окно для проветривания и переместилась в комнату к телевизору, а в кухню больше не заходила. И вот теперь я имела то, что имела: лирически-мечтательное настроение улетучилось не хуже кошек, а мне пришлось нарушить обычный утренний ритуал – сначала кофе, а потом душ и все остальное – и поступить наоборот.

Завершив процесс отогревания под душем, я оделась и только тогда рискнула снова сунуть нос в кухню. Нос доложил тому, что у нормальных людей называется мозгом, а у меня просто наполнителем черепной коробки – будь я умная, вспомнила бы, что окно надо закрыть, – что находиться в кухне уже можно без риска для жизни и я наконец-то приготовила себе кофе. Но пить его я пошла все-таки в комнату – там температура воздуха была как-то покомфортнее. Телевизор я даже включать не стала – все равно на всех каналах либо мордобои, либо сопли-слезы, либо клоуны с ряжеными очередное ток-шоу изображают, а я ни то, ни другое, ни третье терпеть не могу. Я устроилась возле компьютера с затаенной надеждой – вдруг прогноз погоды что-нибудь благоприятное выдаст? Верить синоптикам, конечно, нельзя, что проверено поколениями советских, а потом российских граждан, но исключительно для морального удовлетворения, почему бы и не посмотреть? Если прогноз сбудется, это не станет для меня неожиданностью, если не сбудется – можно будет помянуть всех метеорологов тихим, незлым словом, как будто им, бедолагам, и так круглосуточно не икается. Прогноз обещал некоторое кратковременное ослабление морозов вплоть до плюсовой температуры со всеми вытекающими последствиями (то есть падающими с нагревшихся крыш сосульками), обильные снегопады, даже дождь со снегом, с последующим возвратом к минусовым значениям. Если по-простому, то гололедица, вторая серия, травмпункты работают в аварийном режиме, а в больницах койки стоят уже даже не в коридорах, а и на лестничных площадках тоже. Грустно, конечно, но это еще не повод отчаиваться – а вдруг синоптики в очередной раз ошиблись?

Чтобы чем-то себя занять, я начала бродить по Интернету в поисках интересных предложений отдыха за границей. Денег на поездку у меня все равно не было, но помечтать-то можно? Я уже представляла себя на месте роскошной красотки в шезлонге на белом песчаном пляже на Мальдивах, когда зазвонил мой стационарный телефон и вернул к реальной жизни. Вздохнув, я ответила. Голос звонившего был мне точно незнаком:

– Здравствуйте, Татьяна Александровна.

– Добрый день, – строгим, деловым тоном отозвалась я.

– Некоторое время назад ваш номер телефона дал мне ваш знакомый, Николай Николаевич Журавлев, – продолжал мужчина. – Мне нужна ваша помощь. У вас сейчас есть время, чтобы мы могли встретиться и поговорить?

О господи! Как же мне не хотелось работать в такую погоду. Ведь выходить же придется, а там, на улице, – сплошное брр! Но, с другой стороны, сидя дома, на Сейшелы или Мальдивы не заработаешь.

– Да, я сейчас могу с вами встретиться, но должна сразу предупредить о моем тарифе, – начала я, но он перебил меня:

– Каким бы он у вас ни был, я заплачу двойной. Но я тоже должен вас предупредить, что непременным условием является строжайшая конфиденциальность. Нас ни в коем случае никто не должен увидеть вместе. Даже о нашем знакомстве никто не должен догадываться. Вот с учетом всего этого и скажите мне, где и когда мы можем встретиться?

Голос звонившего был властный, привыкший командовать, а его обладатель, судя по тону, привык, что эти команды немедленно и в точности исполняются. Простому смертному Журавлев мой номер, естественно, не дал бы, да и обещание двойного тарифа несколько примирило меня с необходимостью работать, поэтому я спросила:

– Откуда вы звоните и где находитесь?

– Из телефона-автомата в центре.

– Хорошо. Запоминайте адрес, – я назвала ему адрес бабушкиной квартиры, которую обычно использую как конспиративную. – Там домофон. Сможете прийти туда через час?

– Да, но это сократит время нашей встречи, а она у нас пока может быть только первой и единственной. Нельзя ли побыстрее?

– Тогда единственный вариант – встреча у меня.

– Я знаю ваш адрес, представляюсь слесарем. И очень прошу: не удивляйтесь моему виду. Я буду у вас через десять минут.

Он повесил трубку, а я призадумалась – да уж! Странного клиента послала мне судьба в лице Журавлева, который был не только генеральным директором

холдинга «Тарасовстрой», но и самым крупным его акционером, так что простому смертному мой телефон не дал бы – он с ними просто не общался. Но что же такого страшного могло случиться у этого человека? А, судя по его напряженному тону, случилось действительно нечто из ряда вон. Но гадать было некогда, я кое-как, быстренько навела в комнате порядок и пошла в кухню. Там было уже тепло, я включила электрочайник – с мороза чай или кофе будут клиенту очень кстати, поставила на стол чашки с блюдцами, блюдо с печеньем и пепельницу на всякий случай. Не успела я закончить, как зазвонил домофон и все тот же мужской голос сообщил мне, что пришел слесарь.

Я заранее открыла дверь на лестничную площадку, чтобы не терять время, остановился лифт и из кабины вышел классический слесарь отечественного разлива. На нем были неновые утепленные куртка с поднятым воротником и штаны, заправленные в валенки с обливными галошами, какие когда-то носили заключенные колоний на Севере. На голову была надета старая шапка из овчины, «уши» которой были опущены и даже завязаны под подбородком, что было совершенно естественно при таком-то морозе. Только вот не ароматизируют как-то российские слесари «Армани», от них по большей части совсем другой запах идет.

Я молча посторонилась, пропуская этого странного визитера в квартиру, он прошел и, не сказав ни слова, начал разоблачаться: под курткой оказался пиджак, по самым скромным прикидкам, от Кардена, да и рубашка с галстуком были не производства фабрики «Красная швея», что говорило о высокой степени платежеспособности клиента. Но вот, когда он снял шапку и повернулся ко мне, я впала в ступор, и он, все правильно поняв, заметил:

– Вижу, что представляться не надо. Куда пройти?

– В кухню, – пролепетала я. – Чай с мороза будет вам нелишним.

– Пожалуй, – согласился он и пошел за мной.

В кухне он сел так, чтобы видеть часы на стене, а я, пока занималась разливанием чая, чуть ли не в панике думала, что такого клиента у меня еще не было – все предыдущие, включая чиновников областного правительства самого высокого ранга и крупных бизнесменов, на его фоне уже всерьез как-то не котировались. Это был Алексей Ильич Шестопапов, бессменный депутат

областной думы и генеральный директор тарасовского химкомбината, настоящего государства в государстве – на уровне нашей области, конечно. И если он не открывал ногой дверь в кабинет губернатора, то только от хорошего воспитания. Но вот я закончила возиться и села напротив него, но не успела и слова произнести, потому что он начал сам:

– У нас с вами чуть меньше двух часов. Времени на лирику нет, поэтому перейдем сразу к делу.

Он достал из кармана смартфон, нашел в нем что-то и протянул мне. Я посмотрела, и мое уважение к нему как-то поутихло – на снимке на диване лежал на спине, заложив руки под голову, совершенно голый, но почему-то в носках мужчина, а рядом с ним по-турецки сидела длинноволосая блондинка, чье эротическое белье красного цвета не оставляло сомнений в ее профессиональной принадлежности. Лица обоих были хорошо видны, и никаких сомнений в том, что это Шестопалов лично у меня не возникло. Причем его внешность носила явственные следы длительного злоупотребления тем, чем не надо.

– Ясно – шантаж, – сказала я. – И что от вас хотят?

– Ничего, – неожиданно ответил он. – Эти снимки приходят уже почти месяц, но никаких требований не выдвигают. Просто присылают эти снимки и все. А я никогда в жизни не видел эту женщину. Я никогда в жизни не бывал в этой комнате. А самое главное, что на снимках не я, – твердо за-явил он и, встретив мой недоверчивый взгляд, покивал головой: – Да-да! Это не я, что очень легко доказать. Но вы же знаете, как говорят: «Бросай грязь, что-нибудь да прилипнет». Если эти снимки выложат, например, в Интернет, я легко докажу, что они не имеют ко мне никакого отношения, но дурная слава-то уже пойдет! Мы с женой это переживем, но вот дети?.. Представляете, каково будет им?

– Вы точно сможете это доказать? – спросила я.

– А вы посмотрите внимательно на фотографию, а потом на меня, – предложил он.

– Вообще-то я уже все хорошо разглядела и смущает меня только то, что человек на снимке голый, но почему-то в носках. Странно и неожиданно это

выглядит. Вряд ли в таком виде занимаются сексом с женщиной. Хотя с проституткой? Может, и занимаются.

– Правильно поняли, а теперь посмотрите на мои ноги, – попросил он и вытянул их из-под стола – валенки-то он оставил в прихожей.

Мне и вглядываться не пришлось: то, что правая ступня в районе пальцев была заметно шире левой, просто бросалось в глаза.

– У вас полидактилия? На правой ноге шесть пальцев? – спросила я, и он кивнул. – Значит, не на пустом месте ваша фамилия возникла.

– Да! И у отца это было, и у деда. Дальше не заглядывал. Мы жили в деревне, ветеринар предлагал отцу отрезать мне лишний палец, да мама воспротивилась: коновал – он и есть коновал, а ехать в город к врачу ни у отца, ни у мамы времени не нашлось.

– Ваши дети тоже унаследовали?

– Старшие – да, но им еще в раннем детстве лишние пальцы удалили, потому что мы с первой женой в Тарасове жили, а вот младшие, слава богу – нет.

Я внимательно посмотрела на него, и он, правильно поняв значение моего взгляда, спросил:

– Вы думаете, что младшие не мои родные дети? – В ответ я неопределенно пожала плечами. – Напрасно. Во-первых, у Насти до меня мужчины никогда не было, а во-вторых...

Шестопалов достал из кармана бумажник и, открыв его, повернул ко мне. На вложенной под пластик фотографии была молодая, сероглазая блондинка, прижимавшая к себе двоих детей: мальчика и девочку, и оба были копией Алексея Ильича, такие же смуглые, черноглазые и черноволосые. Только у Шестопалова волосы теперь были не черные, а, как говорят англичане, «соль с перцем», причем «перца» было совсем чуть-чуть, в основном – «соль».

– Кстати, я специально поинтересовался и точно выяснил, что подобное отклонение наследуется детьми только в пятидесяти процентах случаев. Но это не значит, что оно не может проявиться у моих внуков.

– Вообще-то, Алексей Ильич, я ни слова не сказала, – напомнила я. – Дети в вас пошли – сплошные же доминанты. А вот вы на кого похожи?

– В мамину родню, там все такие. Мама говорила, что когда-то давно у нас в роду был то ли татарин, то ли кавказец, то ли азиат, то ли цыган, вот от него все и пошло.

– Итак, на снимке у мужчины обе ступни одинаковые, – продолжила я с того места, на котором остановилась, – потому-то на нем и носки, чтобы нельзя было увидеть, сколько пальцев у него на ноге. А еще какие-нибудь различия между вами и им есть?

– Есть! На одной из фотографий у него открыт рот и видно, что какого-то зуба нет, дыра на этом месте, а у меня все зубы целы, причем свои, родные, а не мосты или импланты. Кроме того, посмотрите, какое у него дряблое тело, а я очень слежу за собой. К тому же внешность у него потасканная, а я давно уже даже по праздникам не выпиваю спиртное. Ну и еще кое-какие мелочи.

– Вы все время говорите «снимки», то есть они были разные? – уточнила я, и он кивнул. – Они целы?

Вместо ответа он, достав из кармана, протянул мне флешку и сказал:

– Вы понимаете, что я сейчас отдаю в ваши руки не только свою жизнь, но и будущее своих детей? У меня было два инфаркта, и врач предупредил, что третий я не переживу, а мне еще детей поднимать. Жена у меня – сильная женщина, но она одна со всем не справится.

– Алексей Ильич! Прежде чем обратиться ко мне, вы наверняка навели справки, и, думаю, не только у Журавлева, поскольку знаете мой адрес, которого я ему не давала. И вам не могли не сказать, что с моей стороны ни разу не было утечки информации. Уверяю вас, что ваш случай первым не станет. Данные с флешки я не буду никуда переносить, а только посмотрю – как знать, вдруг увижу что-то полезное. А кто еще, кроме вас, знает об этих снимках?

– Моя жена, – ответил он, и я удивилась:

– Странно. Обычно мужчины предпочитают скрывать подобные вещи.

– Может быть, и я совершил бы эту глупость, но дело в том, что первый снимок пришел, когда мы сидели за ужином. Мне стало плохо с сердцем, Настя дала мне лекарство, уложила, а потом взяла смартфон, чтобы посмотреть, что меня так расстроило. Мне было настолько плохо, что я даже был не в силах объяснить ей, что эта мерзость не имеет ко мне никакого отношения, но она, к счастью, сама это поняла. Помню, она бросилась ко мне, обняла и стала убеждать: «Лешенька! Успокойся, родной! Я знаю, что это не ты! И лицо это не твое, и тело! Уж я-то на нем каждую родинку знаю! Это чья-то подлая шутка!»

Когда Шестопалов говорил о своей жене, его голос был полон такой нежности и любви, какие трудно предположить в этом сильном и властном человеке, а выражение лица смягчилось и стало «домашним».

– Вам очень повезло с женой – она мудрая женщина. Как я понимаю, это ваш второй брак?

– Да! И двое детей: Илюшке десять лет, а Аленке – девять. Мне бы только успеть Илюшку крепко на ноги поставить, чтобы он потом Насте и сестре опорой мог стать, – с затаенной надеждой произнес Алексей Ильич.

– Бог даст, успеете, – успокоила его я. – И давайте к делу, потому что вопросов у меня к вам очень много, а время идет. Приступим, благословясь! Этот смартфон у вас на все случаи жизни или?

– Или! Он только для самых близких людей, его номера нет на моей визитке, да и симка в нем неавторизированная.

– Мне бы их список, – попросила я.

– Я к встрече подготовился, кое-что написал, может, это вам пригодится, – сказал Шестопалов и достал из кармана несколько сложенных листков. – Вот это те, кому я лично давал этот номер телефона, – он протянул мне первый листок.

Я пробежала его глазами – всего четыре человека: Настя, Илья, Елена – это понятно, но вот увидев «Котяра», я очень удивилась и поинтересовалась, кто это.

– Олег Анатольевич Кошкин, мой друг с тех времен, когда я еще только на комбинат пришел, – объяснил Алексей Ильич.

– А почему он «Котяра», а не просто «Кот»? Ходок, наверное?

– Еще какой! – выразительно произнес Шестопалов.

– А он точно не в курсе этих снимков?

– Конечно нет. Дело в том, что во время моего первого брака мы дружили семьями. А теперь представьте себе, что Олег чисто случайно встретится с Ольгой или Николаем с Натальей? Они его спросят, как там Шестопалов? А он ведь и проболтаться может.

– Понятно, то есть на язык он невожатан, – покивала я. – Ну, достать номер этого вашего телефона не так уж и трудно – кто-то мог под самым благовидным предлогом взять телефон у одного из ваших детей, найти ваш номер и так далее. Так что это нас никуда не приведет. Сколько людей знает о том, что у вас с ногой?

– Вот это точно никуда не приведет, – уверенно заявил он и начал перечислять: – Все в деревне, армейские сослуживцы...

– Вас призвали в армию? – удивилась я.

– В наши времена от армии никто не косил, наоборот, не служивший парень считался ущербным. Вот отец военкома и уговорил. Первая семья, Кошкины, хорошие знакомые, с которыми я и в баню, и на рыбалку ездил. Это, женившись на Насте, я домоседом стал, а до нее я довольно весело жил. Да, и еще несколько женщин, которые у меня после развода с первой женой были.

– Вы правы, это нам не поможет, – вынуждена была согласиться я. – Тогда перейдем к мотиву. Скажите, кто может вас так ненавидеть? Может быть, кто-то

именно из этих женщин? Вы мне можете назвать их имена?

– Я вам даже их список приготовил на всякий случай, – Шестопалов протянул мне еще один листок. – А по поводу остальных людей не знаю. Может быть, мне просто действуют на нервы, ждут, когда я дозрею, а потом выставят какие-то требования? Честно говоря, я бы пошел почти на любые, потому что держусь из последних сил на лекарствах. Но я представления не имею, чего от меня хотят, и эта неизвестность убивает меня, – явно через силу признался он: даже сейчас, загнанный в угол, он не хотел показать свою слабость. – Я все ждал, что ситуация разрешится хоть в какую-то сторону, но ничего не происходило. Обращаться в полицию мне и в голову не пришло – я слишком хорошо знаю, как оттуда информация во все стороны расходится. И как ни стыдно мне это говорить, но вы моя единственная надежда.

– Не сомневайтесь, я ее оправдаю, – заверила его я. – Но давайте предположим, что вы ко мне не обратились. Что вы собирались делать?

– Была мысль ликвидировать здесь все и уехать с семьей отсюда.

– Это ваша мысль или вашей жены? – уточнила я.

– Моя. Настя, конечно, согласится с любым моим решением, но она-то знает, что я без любимого дела зачахну. Это именно она осторожно справки о вас навела и уговорила меня обратиться к вам. И мы решили, что если вам не удастся выяснить, кто и зачем этой мерзостью занимается, то мы уедем.

– Ясно. Ну, со сложением полномочий депутата облдумы проблем у вас не возникнет, а вот комбинат? – продолжала выяснять я.

– История долгая, но я постараюсь быть кратким. В 90-е, когда началась приватизация, на наш комбинат одна московская компания рот раззявила, причем с полнейшего одобрения областных властей. Ну, от них мы отбились, и сами создали ОАО. Все честь по чести, в зависимости от отработанного на комбинате стажа акции получили все, вплоть до уборщиц. Но время-то было лихое. Крутились мы как белка в колесе, а с деньгами все равно беда. Платить-то зарплату мы платили, но это ведь слезы были. Старики наши, я имею в виду директора и его заместителей, растерялись, что делать – не знают, вот здоровье и подвело: у кого инфаркт, у кого инсульт. А я самый молодой, главным

инженером тогда был – это официально, а по сути – един во всех лицах. И тут мне из отдела ценных бумаг сообщают, что рабочие свои акции на сторону продают. У меня в кабинете на весь комбинат громкая связь была, вот я и обратился к людям, попросил, чтобы они на сторону не продавали, а, если уж у них с деньгами совсем худо, мы сами будем их акции выкупать. Объяснил, что иначе какие-нибудь варяги, набрав большой пакет акций, попытаются наш комбинат захватить. Поняли люди, понесли акции нам, а денег-то у комбината нет! – Шестопалов развел руками. – На что акции выкупать? Я и еще несколько человек стали свои личные деньги вкладывать. Я дачу продал, машину, гараж. Из жены все ее золотые украшения, вплоть до обручального кольца, вытряс. И ведь объяснял я ей, что, если комбинат накроется, я окажусь на улице и ее с детьми сладкая жизнь мигом закончится. Ничего не хотела понимать! Такие бои дома были, что я тогда свой первый инфаркт и получил, но своего добился. Почти все акции мы тогда перехватить успели и перерегистрировались в ЗАО, чтобы больше такой головной боли у нас не было. И было нас одиннадцать человек, все руководство комбината.

– Мне бы реестр акционеров с указанием, сколько у кого акций. И еще хотелось бы знать, кто самый крупный держатель, – попросила я.

– И это приготовил, – он протянул мне листок.

Я посмотрела и удивилась:

– Но тут тридцать шесть человек.

– Понимаете, некоторые старики уже умерли. В соответствии с завещаниями пакет их акций перешел или к жене, тогда он остался каким был, или к детям, тут он раздробился. Когда мы преобразовывались в ЗАО, Ольга, это моя первая жена, потребовала, чтобы я часть акций записал на нее и детей, причем на каждого по отдельности. Требование, в общем-то, законное – я же акции выкупал на деньги, нажитые в браке, а то, что она проработала на комбинате учетчицей только год до рождения сына и получала соответственно, для нее ничего не значило. Да и женаты мы тогда еще были. И тогда самый крупный пакет акций был у нашей семьи. Потом я ушел от Ольги. Лично мой пакет акций остался при мне, и я стал всего лишь четвертым. Ну и у Насти одна акция есть.

– Четвертый из тридцати шести – это все равно солидно, – заметила я. – Если бы вы уехали из Тарасова, вы стали бы продавать акции?

– Нет, конечно – ведь дивиденды можно где угодно получать.

– Скажите, насколько состоятельный вы человек?

– Скажем так – весьма, – уклончиво ответил он.

– Кто вам наследует?

– Настя и Илюша с Аленкой в равных долях. Все!

– А дети от первого брака? Они по закону имеют право на свои доли, – напомнила я.

– Татьяна Александровна, я ушел от Ольги с одним чемоданом, оставив ей с детьми не только четырехкомнатную квартиру, но и все, что было нажито, да еще и алименты на двух детей платил. Ушел в никуда, спасая свою жизнь, потому что второй инфаркт не то что стучал мне в дверь, а уже на пороге стоял. Я первое время у себя на комбинате в комнате отдыха жил, уже потом квартиру получил. Кстати, квартиры для детей она из меня тоже выдавила, хотя могла бы продать четырехкомнатную и купить всем по однушке. Так ведь нет! Она, видите ли, привыкла жить в большой квартире! А сопляки тогда еще студентами были, но оказались уже со своим жильем. Так вот, когда Николай с Натальей решили начать свой бизнес и пришли ко мне за помощью, я дал им деньги, предупредив, что акция разовая, первая и последняя. Взамен я потребовал отказа от всех претензий на наследство, что мы нотариально и оформили, причем так, что изменить уже ничего нельзя. Заметим, что я тогда еще на Насте женат не был, я просто свободой и покоем наслаждался. Но я очень хорошо знаю подлую Ольгину натуру, вот и подстраховался. Если бы Коле с Наташкой не потребовались деньги, черта лысого они бы от наследства отказались.

– Вы не очень-то жалуете своих старших детей.

– Ольга воспитала их по своему образу и подобию, у них с самого раннего детства были два любимых слова: «дай» и «купи». Я вкалывал как проклятый, а

она числилась на комбинате и занималась детьми: музыка, языки, танцы... Элиту, блин, воспитывала! Меня, лапотного, к ним и близко не подпускала! Вот и выросли законченные эгоисты, которые считают, что весь мир вокруг них вертеться должен.

- Как сейчас дела у ваших детей? – поинтересовалась я.

- Думаю, что еще хуже, чем было раньше. Иначе они после очень долгого перерыва не позвонили бы мне прошлой осенью и не попросили в долг. Причем много. И, естественно, отдачи я бы от них не дождался – уж я-то их знаю. Получили в ответ категорический отказ и требование больше меня не беспокоить. Им и Ольге сообщают о дате проведения ежегодного собрания акционеров, они предоставляют три доверенности на мое имя для голосования, потом им сообщают о результатах. И это все! Ни их, ни Ольгу я уже очень давно не видел. И слава богу!

- А выкупить у них акции не пробовали?

- Ольгу вы не знаете! Уж, если ей что в руки попадет, она это не выпустит, – усмехнулся Шестопалов. – А дети ее никогда послушаться не смели, поэтому что с воза упало, то пропало. А продать акции они могут только кому-то из других акционеров, так что я знал бы.

- В этом году собрание акционеров по итогам прошлого года уже было?

- Нет, 15 марта проведем. Очень удачно мы сработали в прошлом году, так что и дивиденды все получат весьма приличные.

- Так, с этим более-менее ясно. Скажите мне, какой у них бизнес, – попросила я.

- Я тут вам все о первой семье написал, – Алексей Ильич протянул еще один листок. – Там адреса и все остальное на тот момент, когда я с ними окончательно разошелся. Что-то могло измениться, но я этого просто не знаю.

- Спасибо, потом ознакомлюсь, чтобы сейчас время на это не терять. А еще какие-нибудь родственники у вас есть?

- Я в семье один ребенок был.

- А двоюродные и так далее?

- У отца сестра была, но она бездетной умерла, так что со стороны Шестопаловых никого не осталось. А со стороны матери даже и не знаю. Отец был из села Подлесное, что в Петровском районе. Он по направлению учился в Тарасовском сельскохозяйственном институте, а мама у меня была из Пензенской области, она в педагогическом училась. Они здесь познакомились, поженились и потом вернулись в Подлесное. У нее старший брат был - Федор, но она с семьей отношения порвала, когда мне лет одиннадцать было. А получилось так: ее мать сильно заболела и, когда поняла, что уже не выздоровеет, все просила дочку вызвать, чтобы проститься с ней. А Федор с женой ей сказали, что, мол, сообщили ей, а она отказалась приехать.

- Дело, видимо, в наследстве? - догадалась я.

- Да! Бабушка сильно на маму обиделась и все сыну отписала. А мама ничего и не знала ни о болезни матери, ни о ее смерти. Случайно выяснила. Бабушка на ее письма долго не отвечала, вот она и написала соседке. А та ей все и вылепила, да еще и обругала за то, что она к матери даже на похороны не приехала. Вот тогда мама Федору и написала, что брата у нее больше нет.

- А дети у Федора были?

- Были. Мы туда с мамой последний раз ездили, когда мне лет девять было. Девчонку, она немного старше меня, Машей звали, а сына Иваном. Он меня года на два или три моложе был. Постоянно болел, а его мать, тетя Анфиса, с ним как с писаной торбой носилась. Так что я с ним и не общался совсем, больше с соседскими мальчишками - мы на речке от света до света пропадали. Да мы и были-то там всего неделю или чуть больше.

- А как это место называлось?

- Село Денисовка Лопатинского района, почти на границе с нашей областью.

- Как фамилия этой семьи?

– Кузьмины, – ответил он. – Дядьку звали Федор Павлович. Но почему это вас интересует?

– Я пытаюсь понять, кому выгодна ваша смерть, – объяснила я.

– Смерть? – невольно воскликнул он.

– А вы что думали? Что это чьи-то глупые шуточки? – удивилась я. – То, что с вами делают, квалифицируется как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, статья 111 УК РФ. В случае смерти потерпевшего там до пятнадцати лет, но и в прочих случаях от восьми до двенадцати.

– Смерть! – никак не мог поверить в происходящее Шестопалов.

– Судите сами, – предложила я. – Тот, кто это задумал, очень близкий вам человек. Он знает о вас абсолютно все: и о полидактилии, и о том, что третий инфаркт вы не переживете.

– Это ни для кого на комбинате не секрет, – возразил несколько пришедший в себя Шестопалов.

– Он нашел похожего на вас человека, – продолжила я.

– Мог артиста какого-нибудь нанять, – предположил он.

– Нет. Эта профессия требует от человека, чтобы он следил за собой, а мужчина на снимке этим себя явно не утруждал. Далее. Ваш враг нанял проститутку, которая под видеозапись обслужила клиента. Потом он сделал раскадровку записи и начал отсылать вам каждый день по кадру. И счастье великое, что ваша жена чисто случайно увидела первый же снимок и, что самое главное, все совершенно правильно поняла. Будь иначе, вы все это время жили бы в состоянии постоянного стресса. Вы каждую секунду боялись бы, что она обо всем узнает и может вам не поверить. Ну и долго бы вы протянули? Да вас уже давно похоронили бы! Ваш враг пытался совершить хоть и медленное, но идеальное убийство, не оставляющее следов. Никаких звонков, никаких угроз, никаких требований. Отправляет он снимки наверняка все время из разных мест, где есть бесплатный Wi-Fi. Из всех улик – только снимки, которые, как он

предполагал, вы будете тут же удалять. И вы, вероятно, так и поступали бы, если бы не ваша жена. Алексей Ильич, думайте! Думайте, кому нужна ваша смерть! – потребовала я.

Шестопалов подавленно молчал и ничего мне не ответил. Я прекрасно понимала его состояние, но время нашей встречи неуклонно приближалось к концу, а вопросы мои еще не кончились, да и план совместных действий надо было выработать.

– Это не Настя! Даже в мыслях этого держать не смейте! – жестко сказал он наконец. – А чтобы вы в это поверили, я вам один случай расскажу. Несколько лет назад некие люди пытались осуществить рейдерский захват комбината. Это противостояние стоило мне много сил и нервов, сердце болело практически постоянно, но расслабляться было нельзя. Как всегда в таких случаях, я жил в своей комнате отдыха за кабинетом, а Настя с Илюшкой – ему тогда еще и годика не было – в профилактории. В меня стреляли. Ранили. Тяжело, – рассказывал он глухим голосом короткими, отрывистыми фразами. – Хорошо, что рядом рабочие были. Они меня на руках, бегом, в медсанчасть отнесли. Тут-то и выяснилось, что у меня еще и инфаркт. Шансов выжить было немного. Настя с Илюшкой ко мне в палату перебрались. Ей там кровать поставили. А она Аленкой беременная была. Я лежу под капельницей. Весь в датчиках. Аппаратура пищит. А она мне осторожно Илюшку под бок положит. Мою руку к своему животу прижмет. А там Аленка толкается. Это такой стимул выжить! – чуть не сорвался на крик он. – Она меня с того света вытащила. Если бы ей моя смерть была нужна, стала бы она так собой и детьми рисковать? Особенно если знала, что они и так мои единственные наследники?

– Да, мужественная женщина, – совершенно искренне согласилась я. – И очень вас любит, раз такую серьезную опасность с вами поделила – вас ведь могли попытаться добить.

– Может, и попытались бы. Только рабочие медсанчасть круглосуточно охраняли. Взяли ее в кольцо и пропускали туда только тех, кого лично знали. Да и возле палаты постоянно караул был.

– Понятно, но рейдерские захваты без инсайдерской информации проводить бессмысленно. Вы нашли предателя?

– Нашли, – буркнул он. – Главный технолог. Никогда бы на него не подумал. Вечно он брюзжал, был всем недоволен, бухтел, что это не так, а то не эдак.

– Но говорил-то по делу?

– В общем-то, да, – вынужден был признать Шестопалов. – Видимо, от этого недовольства и на предательство пошел.

– И что вы с ним сделали?

– Выгнал, конечно! – удивился Алексей Ильич. – Да с такой записью в трудовой книжке, что он потом никуда устроиться не смог, а потом уехал куда-то, – хмыкнул он и спохватился: – Вы думаете, это он мне мстит?

– Он сознался в том, что сливал информацию? – не ответив ему, спросила я.

– Нет! Мы у него в сейфе много чего интересного нашли, а он уперся и твердил, что ему это подбросили. Мы к нему домой заявили и там деньги нашли, а он опять твердил, что ему это подбросили. Да еще имел наглость мне заявить, что правда рано или поздно наружу выйдет и тогда я у него в ногах буду валяться и прощения вымаливать.

– Если он жив, не исключено, что так и будет, – охладила я его гнев. – Ваш жизненный опыт больше моего, но поверьте бывшему следователю прокуратуры: предатель никогда не будет привлекать к себе внимание, тем более вызывать недовольство начальства – на него же первого в случае чего падет подозрение. Наоборот, он будет самым неприметным или преданным. Постоянное брюзжание и недовольство уволенного вами человека объяснялось исключительно тем, что он за дело болел, хотел, чтобы все было так, как должно быть. Вот настоящий предатель на него стрелки и перевел, вы на это повелись, а он в стороне остался. Поторопились вы, Алексей Ильич, и погорячились человека в предательстве обвинить.

– Да вы что, с Настей сговорились, что ли? – удивился Шестопалов. – Она тоже мне заявила, что я невиновного человека с работы выгнал.

– Давайте об этом потом поговорим, а сейчас вернемся к делу. Есть ли у вас конкуренты по бизнесу и насколько вы им мешаете?

– В центральной части России у нас конкурентов нет. Есть в Сибири один химзавод. Именно его хозяева, желая стать монополистами, и попытались захватить нас несколько лет назад. Но на данный момент обстоятельства сложились таким образом, что бывшие хозяева сибирского химзавода не представляют для нас никакой опасности. А с теми, кто сейчас владеет этим предприятием, мы договорились о «сферах влияния», если здесь уместно такое выражение, – тщательно подбирая слова, ответил Шестопалов. – Более того, мое физическое устранение это равновесие никоим образом не нарушит.

Я внимательно посмотрела на него и только сейчас впервые подумала, что отстаивать свою независимость «комбинатские» могли не только путем переговоров, а и более жесткими мерами. И я уже совершенно другими глазами посмотрела на Алексея Ильича.

– Значит, отсюда удара ждать не приходится, – констатировала я, и он кивнул. – Тогда зайдем с другой стороны – ваше депутатство. Не было ли среди ваших соперников на выборах в облдуму человека, способного на решительные действия, чтобы всеми способами добиться своего?

– Татьяна Александровна, – чуть усмехнулся он. – В отличие от многих других предприятий области мы сохранили всю свою социалку, а потом и приумножили ее. Это ясли, детские сады, две подшефные школы, лагеря отдыха, причем один из них в Анапе, техникум при комбинате, медсанчасть с самым современным оборудованием и так далее. И пользуются всем этим не только работники комбината, но жители моего округа. И только от моего росчерка пера зависит, будет так продолжать впредь или нет. А теперь подумайте и скажите: у меня может быть соперник на выборах?

– А... – я глазами показала на его лежавший на столе смартфон.

– Для моих людей это – не компромат. Скажу больше: если бы не мои младшие дети, я объяснил бы людям, что кто-то меня вот так достает. Они бросились бы искать виновного, обязательно нашли, и он проклял бы тот день, когда эта гнусная мысль пришла в его голову. Но, если информация все-таки выйдет наружу, я обязательно так поступлю.

«И действия этих доверенных людей вряд ли будут законными», – подумала я.

– Ну что ж. Некоторая ясность появилась. Теперь давайте определяться на местности. Я понимаю, что вы привыкли сами принимать решения и отдавать команды, но сейчас не тот случай. Если вы хотите без лишнего шума вывести на чистую воду своего врага и закрыть эту историю раз и навсегда, вы будете делать только то, что я скажу, и никакой неорганизованной самодеятельности. Вы согласны?

– У меня есть выбор? – пожал плечами Шестопалов. – Говорите, что я должен делать.

– Мы с вами подыграем вашему врагу, – начала я.

– То есть я должен умереть? – усмехнулся он.

– Вы начали шутить, и это обнадеживает. Нет, умирать вам не придется, но вам нужно будет лечь в больницу в очень тяжелом состоянии, когда врачи не могут дать никаких прогнозов. Причем не в вашу медсанчасть, потому что сотрудники комбината обязательно хорошо знакомы с врачами там и смогут легко выяснить ваше истинное состояние. Это будет частная больница, откуда информация не просочится. Вы знаете клинику Полянской?

– Я даже знаком с Клавдией Петровной, – добавил он.

– Тем лучше. Тогда давайте решим, кто из нас будет с ней договариваться.

– Лучше я, чтобы никто не смог найти между нами никакой связи, – предложил Шестопалов.

– Хорошо. Значит, поступим следующим образом. Этой ночью вам станет очень плохо с сердцем, настолько плохо, что ваша жена позвонит не в вашу медсанчасть, а в клинику Полянской, откуда за вами приедет реанимобиль, который вас туда и отвезет. Вы там будете находиться якобы, а может быть, и на самом деле, в палате реанимации – это, если она свободна. Если она занята, то просто в отдельной палате, пределы которой вам ни в коем случае нельзя покидать. Клиника это дорогая, лежат там люди непростые, среди которых

могут быть ваши знакомые. Если вас там увидят и узнают, то в городе станет известно, как вы на самом деле себя чувствуете, потому что разгуливающий по коридорам человек в критическом состоянии находиться не может. Пускать к вам никого не будут, даже Настю, по телефону комментировать ваше состояние – тоже. Информацию ваш лечащий врач будет предоставлять только ей при ее личном посещении. Клиника находится за городом на самом севере, ваш комбинат – тоже за городом, но на самом юге. Прямого сообщения нет. Вероятность того, что туда кто-то поедет, небольшая. Но, даже если приедет, получит от ворот поворот. Пока вы там будете лечиться, а вам это явно не повредит, мы с вашей женой займемся делом.

– Не впутывайте в эту историю мою жену, – вскинулся он.

– Поздно! – развела руками я. – Она в ней уже участвует. Но вы не беспокойтесь, мне от нее требуется только информационная поддержка. Мне нужно посмотреть все фотографии, какие у вас только есть дома, чтобы знать, кто есть кто, потому что на комбинате я появиться не могу. Нужные снимки отберу, а потом верну. Да и поговорить мне с ней надо, узнать, что она думает об окружающих вас людях. Как говорится, да будет выслушана и другая сторона. Пока я знаю только ваше мнение, а у нее может быть свое. А взгляд, как выяснилось, у нее верный.

– По поводу фотографий, так смотрите все, что нужно, а вот насчет ее мнения?.. У нас дома почти никто не бывает – я слишком дорожу семейным покоем. На корпоративах Настя была считанные разы, потому что ей подобные мероприятия не нравятся. Она моя жена, а не вешалка для эксклюзивной одежды и драгоценностей, она домашний человек и ей неуютно там, где все на нее глазают. Когда без этого не обойтись, она проводит там полчаса-час, а потом мы уезжаем. И мне это не в тягость, потому что мне гораздо приятнее провести это время с ней и детьми, чем смотреть на пьяные физиономии.

Я взяла листок, на котором Шестопалов перечислил своих любовниц, но оказалось, что ни одна из них никогда не работала на комбинате, о чем ему и сказала.

– Умные люди говорят: «Не грехи, где живешь и работаешь», – ответил он. – Я никогда не заводил служебных романов. И всех этих женщин я сразу предупреждал, что второй раз жениться не собираюсь. Да и расставался я с ними по-доброму. Наверное, поэтому ни одна из них ни разу не попыталась

отомстить мне, встретившись с Настей или позвонив ей, чтобы наговорить про меня гадости.

- Но вы ведь не сдержали свое обещание - им говорили, что не женитесь, а сами женились, причем не на них, - напомнила я.

- Это отдельная история, она касается только меня и Насти, - твердо заявил он.

- Понятно, - не стала углубляться я. - Так, где я могу с ней якобы случайно познакомиться? Раз она навела обо мне справки, то знает, как я выгляжу, а я видела ее фотографию, так что не ошибемся.

- Настя каждый день привозит детей в школу - они в первом лицее учатся, а потом забирает их и отвозит домой. Пока они там, она ходит по магазинам, в салоны, занимается фитнесом в центре «Грация» - по вторникам и пятницам с одиннадцати до часу.

- Очень хорошо. Значит, завтра мы с ней там и встретимся. Теперь о связи. Я дам вам телефон с другим номером, а свой смартфон вы оставите у меня - вы же будете якобы в реанимации и не в том состоянии, чтобы пользоваться им. После окончания этой истории я его вам верну в целости и сохранности.

- Берите, конечно, но зачем он вам? - удивился Алексей Ильич.

- Понимаете, когда все узнают, что вы в больнице в тяжелом состоянии, ваш враг, решив, что дело почти сделано, может потерять осторожность и следующие снимки посылать, уже не таясь. Вот я и выясню, откуда.

- То есть вы собираетесь подключить к поискам еще кого-то? - насторожился он.

- Не беспокойтесь! Этот «кто-то» классический «ботаник», которого интересует сам процесс, а не содержание, - постаралась успокоить я его. - Кроме того, он и его семья бесконечно благодарны мне за то, что я спасла его от тюрьмы, а влип он тогда здорово. Поэтому он все сделает и никому ничего не скажет. Я за это ручаюсь.

– Татьяна Александровна, мне не хотелось бы угрожать, но если эта история станет достоянием гласности по вашей вине...

– Не продолжайте! Я уже поняла, что вы создадите мне такой уют, что бегство из города станет для меня единственно возможным выходом, – холодно произнесла я.

– Вы меня правильно поняли, – жестко сказал Шестопалов.

– Вам не придется напрягаться, уверяю вас, – не менее жестко ответила я. – Этот человек работает на меня не в первый раз, и до сих пор никто не жаловался ни на него, ни на меня. Если вас что-то не устраивает, то давайте расстанемся. Конфиденциальность гарантирую.

Я была взбешена настолько, что встала со стула, давая понять, что и ему пора на выход. Черт с ними с Сейшелами и Мальдивами, но так обращаться с собой я никому никогда не позволяла и впредь не собираюсь.

– Вы обещали дать мне телефон, – напомнил он, показывая, что сдался, но я решила дожать ситуацию и продолжала молча стоять.

Поняв, что так легко он не отделается, Шестопалов вынужден был извиниться:

– Простите. Просто вы, вероятно, не знаете, что такое месяц жить на грани нервного срыва.

Поскольку конфликт был исчерпан, я сменила гнев на милость и мягко сказала:

– Алексей Ильич, вы не первый, кто приходит ко мне со своей бедой. Поверьте мне на слово, что были в моей практике случаи и пострашнее. Не волнуйтесь, мы обязательно победим.

Я вышла в комнату и, вернувшись, положила на стол коробку со своим старым телефоном и упаковку с симкой. Достав телефон, я установила в него новую симку и подключила его на подзарядку.

– Сейчас проверим, как он работает, – сказала я. – А пока я внесу новый номер в свой сотовый. Вы же дадите этот свой новый номер только жене и никому больше. Ни одной живой душе, даже самому близкому другу – я имею в виду Кошкина. Кстати, вы обычно его вместо себя на хозяйстве оставляете?

– Нет, конечно, – все еще довольно напряженным голосом ответил Шестопалов – не привык, ох не привык господин генеральный директор, чтобы его против шерстки гладили. – Его потолок – главный инженер, что, к счастью, он и сам понимает и наверх не рвется.

– Ответственности боится?

– Нет, просто знает, что не потянет. Вместо меня первый зам остается, толковый мужик, я в нем уверен, ни разу меня не подвел.

– Если вы все-таки по какой-то причине уйдете с работы, он вас сменит на посту генерального директора? – Шестопалов кивнул, а я взяла реестр и чуть не рассмеялась: – А Кошкин-то акционер! Целых две акции у него!

– Да и те я ему за символическую цену продал, а то некрасиво получилось – он тогда меня и Настю очень сильно поддержал. Да и в 90-е мне здорово помог.

– А почему же он изначально не стал акционером? – удивилась я.

– Потому что не стал выкупать акции, – объяснил он.

– А ваш первый заместитель – акционер?

– Нет, я назначил его на эту должность уже позже, когда все было распределено. Так что он просто наемный работник.

Пока мы говорили, сотовый немного зарядился, я его проверила и вместе с зарядным устройством отдала Алексею Ильичу. И тут я спохватилась:

– Скажите, где вы живете и сколько вас там всего?

– Это коттеджный поселок «Химик», там все руководство комбината живет. Он находится выше по течению от предприятия. Территория огороженная, охраняемая, там у нас все свое. В доме живем мы вчетвером: я, жена и дети. Ну и собаки с кошками, конечно. Дети без них не могут.

– То есть Анастасия сама ведет хозяйство? – удивилась я.

– Нет, конечно. По понедельникам, средам и пятницам приходит домработница. Она у нас уже очень давно работает. С нашего же комбината она. Вышла на пенсию по вредности и вот теперь подрабатывает. А живет она в поселке неподалеку, мы там еще при Советах для рабочих дома выстроили. Ее муж Дмитрий и сын Егор работают, естественно, на комбинате. Егор – моим персональным водителем.

– Пожалуйста, обговорите все с женой только, – подчеркнула я, – в отсутствии посторонних, с глазу на глаз и обязательно вне дома, чтобы исключить малейшую возможность прослушки.

– Да мы Дарье!.. – возмутился он, но я перебила его:

– Алексей Ильич! Не зря говорят, что береженого и бог бережет. Вы права на риск не имеете. Думайте сначала о детях, а потом обо всем остальном, в том числе и собственном самолюбии. Бывали случаи, когда человек на меня чуть с кулаками не бросался и на груди нижнее белье рвал. С пеной у рта орал, что кто-то там его от смерти спас и он ему больше, чем себе, верит. А потом в голос матерился и клялся, что этого же человека своими руками порешит, потому что именно он его и подставил. Так что нас только трое, кто знает правду, не будем увеличивать это число. Полянская еще и не такие секреты хранить умеет, но и ей лишнего не говорите, а только минимум необходимого. Может быть, все-таки мне с ней поговорить?

– Нет, я сам, – покачал головой Шестопалов. – Ну, мы, кажется, все обсудили?

Я, подумав, пожала плечами и сказала:

– Если возникнет необходимость, свяжемся по телефону. Я завтра вашу жену проинструктирую, что и как кому говорить.

– Тогда вот вам на расходы, – он достал из внутреннего кармана пиджака конверт и протянул мне. – Здесь сто тысяч. Поскольку, как я понял, мы с вами снова встретимся только тогда, когда все будет закончено, вам должно хватить. Если же почему-то не хватит, Настя вам добавит.

– Не волнуйтесь, отчитаюсь за каждую копейку, – заверила его я.

– Вы, главное, врага моего найдите, у меня же на кону жизнь стоит! По сравнению с этим деньги – такая мелочь!

Одевшись, точнее замаскировавшись, Шестопалов ушел, а я, глядя ему вслед, по-думала: «Да уж! Досталось мужику! Но он хорошо держится. Другой бы на его месте в истерике бился». Вернувшись в кухню, я запоздало увидела, что к чаю ни он, ни я не притронулись, да и неудивительно – уж очень напряженная беседа у нас получилась. Я перешла в комнату и достала гадательные кости, чтобы, как всегда делаю в начале нового расследования, узнать, что меня ждет, и бросила их. Выпало 2+20+27. Это значило, что у меня будут сильные и смелые партнеры в работе. И умные, следовало бы добавить. Гадать, кто это, не приходилось. Они у меня уже много лет одни и те же, люди, которым я, безусловно, верю. И к первому из них я собралась отправиться немедленно, чтобы озадачить и отправить «на дело», потом ко второму, чтобы напомнить, что он мне кое-чем обязан, и опять-таки озадачить. А вот к третьему нужно было подкрадываться очень осторожно, как кошка к мышке, потом поскулить и только после этого попросить о помощи. А посмотреть снимки на флешке Алексея Ильича я и потом могла.

Первым был Вениамин Аясов, он же бомж Венчик Аякс, причем бомж по призванию, потому что иного образа жизни не признавал. Жил он не очень далеко от меня в подвале дома в центре города на практически легальных основаниях, то есть жильцы дома были совсем не против такого сосуществования, дали ему ключ от подвала и даже подкармливали, особенно сердобольные старушки. А что? Венчик не пил, не курил, гостей к себе не водил, его проживание в подвале гарантировало жильцов от нашествия других, не столь спокойных обитателей, которые могли или сараи обворовать, или что-то металлическое открутить для сдачи в металлолом, или даже устроить пожар от неосторожного обращения с огнем. Короче, Венчик был сторожем подвала, причем для управляющей компании бесплатным. На пропитание он себе зарабатывал тем, что собирал бутылки и жестянки из-под напитков, да и от меня ему за работу временами неплохо перепадало. Зимой он по большей части

отсиживался «дома», а вот летом застать его там было проблематично: он ходил за грибами и ягодами в лес, где мог пропадать по несколько дней, жил на островах в шалаше с такими же, как он, любителями природы и ловил рыбу. Купаясь в Волге, он одновременно решал свои гигиенические проблемы, зато зимой пах, как медведь после спячки. Не могу сказать, что лично общалась с медведем в этот период его жизни, но по моим представлениям запах должен быть приблизительно такой же.

В дореволюционной России Венчик был бы классическим бродягой. Летом ходил от деревни к деревне, за еду и ночлег рассказывал последние новости и притчи, коих знал великое множество, передохнув, шел дальше, а на зиму устраивался бы при каком-нибудь монастыре, чтобы по весне опять отправиться пешком по матушке-Руси. В наше время такой жизнью уже не поживешь, да и возраст у Венчика не тот, вот и приходилось ему ограничивать свои странствия пределами Тарасова с пригородами. Знакомых у него было великое множество и вообще среди бомжей он пользовался большим авторитетом. Не помню случая, чтобы я, обратившись к нему за помощью, не получила ее. Конечно, неудобно мне было отправлять его на задание в такой мороз, но я пообещала себе самым тщательным образом проследить, чтобы он оделся потеплее.

Вторым был Фима Симанович. В то время, когда мы познакомились, он оканчивал школу, был отличником и шел на золотую медаль. В общем, ему прочили самое блестящее будущее на поприще программирования. Но тут с ним случилось большое несчастье – он влюбился. И, как это обычно бывает, в свою полную противоположность: тихий, скромный, домашний мальчик пал жертвой страсти к своей однокласснице, такой оторве, которой и безбашенные мальчишки в подметки не годились. Катя, так звали эту девицу, вертела им как хотела, а потом поставила условие, что отдастся ему только в том случае, если он взломает сеть одного госучреждения и удалит оттуда кое-какие записи. И Фима это сделал. Взлом обнаружили, что именно было удалено, выяснили, но, к счастью для Фимы, руководителем этой структуры был мой бывший клиент. Он не захотел выносить сор из избы и обратился ко мне. Я, может быть, и продвинутый юзер, но в таких компьютерных делах – не специалист, поэтому пошла от имен парней из удаленных записей. В конце концов, я вышла на Катю, подслушала и попутно записала ее разговор с ними и узнала, кому надо не только по рукам, но и по маковке настучать, чтобы больше не шалил. Я пришла вечером к Симановичам, рассказала, во что влип их сын, и дала послушать этому влюбленному идиоту, что говорит о нем Катя – заметим, ничего хорошего, сплошь насмешки, оскорбления и издевательства. А потом открыла принесенный с собой УК РФ и показала, что именно грозит Фиме за его художества.

– Мальчик, тебе нет восемнадцати, значит, это малолетка. Поверь бывшему работнику прокуратуры, что это намного хуже, чем взрослая колония. Это ад, в котором ты продержишься самое большее месяц, а потом сам наложишь на себя руки, чтобы избавиться от ежедневных издевательств, побоев и кое-чего похуже. Черт с ним, с высшим образованием и золотой медалью, но как после этого будут жить твои родители? И смогут ли они жить вообще? Ты о них подумал, когда ручонками своими шаловливыми куда не надо полез? Или ты думал той головой, что в штанах? Так, радуйся, что Катя тебе не дала, потому что иначе у тебя ко всем твоим неприятностям еще и гонорея была бы!

Мать Фимы, Дора Семеновна, тихо охнув, схватилась за сердце и расплылась по креслу. Его отец, Григорий Маркович, цыкнув на бросившегося было на помощь сына, отвел жену в спальню, уложил, дал лекарство, вызвал «Скорую помощь», а потом вернулся в гостиную, настроенный весьма решительно. И этот интеллигент в бог знает каком поколении, доцент биофака нашего университета, начал хлестать Фиму по щекам, отнюдь не демонстративно, а так, что голова у парня болталась, как воздушный шарик на ниточке. А уж что он при этом говорил! Мне оставалось только удивляться, откуда он такие слова знает. Может, змеи нашипели – он был специалист по рептилиям. Выпустив пар, он спросил у меня, есть ли какая-то возможность не доводить дело до полиции и суда.

– Это частное расследование. Мое дело – доложить о результатах заказчику, а что с ними делать, решать только ему. Он может выдать их за плод усилий своих подчиненных и дальше действовать в соответствии с законом, а может не предавать дело гласности. Я понимаю, что Ефим у вас единственный ребенок и потерять его для вас страшнее смерти, поэтому объясню человеку, к чему приведет его принципиальность. Он сам отец, должен понять. Во всяком случае, я на это очень надеюсь. Чем бы ни закончился наш с ним разговор, я вам позвоню.

Конечно, я была уверена, что все обойдется, для этого мне достаточно было напомнить клиенту, из какой мерзкой истории я вытащила его собственного сына, которого он тут же отправил в армию, несмотря на бурные протесты жены. А говорила я все это для того, чтобы Фима хорошенько прочувствовал, какую дурость совершил. Клиент меня понял правильно, крови не жаждал, зато на встрече, которую я устроила для «сторон конфликта», оторвался по полной и орал на Фиму так, что уши закладывало. Завершил же он свое выступление фразой: «Иванову благодари, сопляк! И учти, что второй раз тебе может так не

повезти! Сядешь как миленький! А вот выйдешь ли – большой вопрос!» Благодарные Симановичи рыдали в голос и все норовили всучить мне конверт с деньгами, но я отказалась, объяснив, что не в моих принципах брать деньги с обеих сторон, и они смирились. Но с памятью у них все оказалось в порядке, Дора Семеновна все эти годы поздравляла меня со всеми праздниками и постоянно зазывала в гости. А самое главное, что с тех пор, если у меня в ходе расследования возникали «компьютерные проблемы», их с удовольствием решал Фима, к настоящему времени уже окончивший физфак университета. Предстояло ему помочь мне и в этот раз.

Ну а третьим был мой давний и самый верный и надежный друг, подполковник полиции Владимир Сергеевич Кирьянов, для меня просто Киря, который работал в областном УВД. Его жена, окончательно убедившись в безгрешности наших отношений, дала мне высочайшее соизволение звонить ему не только на работу, но и домой, но я этой возможностью не злоупотребляла – вдруг ветер переменится? По службе Киря был занят так, что обращалась я к нему только в самом крайнем случае – совесть-то у меня есть! Вот и сейчас мои просьбы были необременительными: просто кое с кем созвониться и направить запросы, то есть его личного участия не требовалось.

С тоской посмотрев на уличный градусник, показывавший минус семнадцать, я стала решать, что надеть. Вообще-то на случай сильных морозов у меня есть норковая шуба «в пол», купленная после одного очень денежного дела и висевшая практически без дела, потому что и зимы были «сопливые», и в машине за рулем в ней неудобно. Но на своей машине я ехать не собиралась – она столько дней простояла на морозе, что возни с ней будет на полдня, а у меня дел полно, поэтому решила вызвать такси. А с другой стороны, лезть к Венчику в подвал в норке почти за двести тысяч рублей – верх безрассудства, значит, надену пуховик. Решив эту самую сложную на данный момент задачу, я собрала в сумку все, что мне могло понадобиться, вызвала такси и вышла из дома.

Грандиозный скандал, бушевавший во дворе дома Венчика, меня тут же насторожил – если люди в такой мороз не просто вышли из дома, а еще и собрались на детской площадке и орут в голос, значит, случилось что-то серьезное. Подойдя поближе и пробившись к месту основных боевых действий, я увидела, что все нападают на стоявшую в центре довольно молодую женщину. Кричали все одновременно, со всех сторон, но общий смысл я уловила.

– Идиотка! Кретинка! Надеешься, что тебе все с рук сойдет? Хренушки! Мы при прежнем управляющем горя не знали, а твой свекор его с работы выжил! На его место тебя пристроил! А того не учел, что у тебя опилки в башке!

– Дубина ты стоеросовая! Орясина бестолковая! Ты каким местом думала, когда велела трубы горячей воды заизолировать? Я все лето и осень корячилась, заготовки на зиму делала, а теперь все до единой банки лопнули! Да мы на тебя в прокуратуру напишем!

– Это для того, чтобы потерь тепла не было и бомжи не жили! – испуганно и из последних сил отбрехивалась та.

– Дура! – заорал какой-то мужчина. – Это не бомж был, а сторож бесплатный. Он там жил, и мы за свое добро спокойны были! Знали, что сараи наши никто не обчистит! Ты бы сначала хоть у людей узнала, кто это! Работаете неделю, а наворопятила столько, что теперь расхлебывать и расхлебывать!

Когда я услышала слово «был», меня как током ударило.

– Тихо все! – заорала я так, что все смолкли. – Как я поняла, это новый начальник вашей управляющей компании. – Толпа согласно кивнула. – Она знала о том, что в подвале жил человек, но приказала заизолировать трубы горячей воды и отопления. А дверь в подвал потом, естественно, заперли.

– Да! Причем на новый замок, – добавил кто-то из-за моей спины. – У нас еще даже не для всех жильцов ключи от него сделали.

– Понятно! – сказала я звеневшим от ярости голосом. – Так, здесь не в прокуратуру надо обращаться, а в следственный комитет. Это 105-я статья, часть вторая, сиречь умышленное убийство, потому что человека сознательно оставили замерзать. Если по пунктам, то это «В» – убийство лица, находящегося в беспомощном состоянии: запертый снаружи, выбраться же он не мог, да и ключа у него не было. «Д» – совершенное с особой жестокостью. «Ж» – группой лиц по предварительному сговору, потому что не сама же она с трубами возилась, а слесаря послала. «Л» – по мотивам вражды в отношении какой-либо социальной группы, в данном случае бомжа. При таком букете светит вам, неуважаемая, от пятнадцати до двадцати лет и вплоть до пожизненного. Если

очень повезет с адвокатом, то тот может попытаться переквалифицировать деяние по статье 111-й «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», но там тоже до пятнадцати. Гражданочка, вы хоть раз в жизни Уголовный кодекс в руках держали? Настоятельно рекомендую изучить. Впрочем, в самом ближайшем будущем у вас будет для этого масса времени – я лично его вам в СИЗО передам. Он с комментариями то-о-олстый! Будет чем вам заняться в перерывах между допросами.

Женщина стояла, потеряв дар речи, с открытым ртом и смотрела на меня как на дьявола во плоти, а потом рванула с места так, что олимпийский чемпион по бегу обзавидуется, и мигом скрылась из виду. И это по пересеченной местности! То есть гололедице вперемешку с сугробами, выполнявшими функцию барьеров. Оставшиеся же взирали на меня с каким-то благоговейным ужасом.

– Эх, Венчик-Венчик! – Я тяжело вздохнула и спросила: – Тело уже увезли?

– Какое тело? – осторожно поинтересовалась стоявшая рядом старушка, судя по ее опасливому взгляду, явно решившая, что я не в своем уме.

– Вениамина Аясова, кого же еще, – раздраженно ответила я.

– Дочка, а чего это ты его телом назвала? – обалдело спросила она.

– Так ведь... – я повернулась к тому мужчине, который орал на сбежавшую начальницу. – Ты же сказал, что сторож был! То есть в прошедшем времени!

– Ну, так сейчас же его нет, вот я и...

– Где Венчик? – заорала я, напирая на него, и он показал глазами куда-то вверх. – Буду бить! – честно предупредила его я очень нехорошим тоном.

– Да на чердаке он. Там, конечно, тоже холодно, но возле труб отопления ничего. Я ему старые картонные коробки дал, барахло всякое, что на антресоли валялось, на этом и живет – его же слесаря из подвала выгнали и даже вещи собрать не дали.

– Да что ж я этой сволочи морду-то не набила! – в отчаянии возопила я и с надеждой спросила: – А из слесарей здесь поблизости никого нет?

– Да вон один из них, – мужчина кивком показала на стоявшего неподалеку работягу.

– Родной! – распахнув объятия, я направилась к тому. – Давай тесно пообщаемся?

Слесарь хоть и был уже в полсвиста, но, поняв, что ему сейчас неслабо прилетит и за него самого, и за того парня, то есть начальницу, дунул от меня ничуть не медленнее, чем она, а я, сдернув перчатку, свистела ему вслед и только что не улюлюкала. Несколько разрядившись, я попросила мужчину:

– Веди! Буду думать, как Венчика спасать.

Хотя, чего тут думать? И так понятно, что не выживет он на чердаке в такие морозы, потому что временное потепление не в счет.

– И давно он там? – спросила я, когда мы вошли в подъезд.

– Три дня уже. Мама сегодня утром его позвала, так он спустился, аж синий от холода. Дала она ему горяченького поесть да чаю попить, а потом он обратно ушел.

– Как же эти сволочи до него на чердаке не добрались? – удивилась я. – Им же крышу от снега почистить надо, сосульки сбить?

– Так, уже. В смысле, сделали это до того, как он туда перебрался. Теперь нескоро соберутся. В конторе свой ключ от чердака есть, а у меня дубликат – не бегать же жильцам каждый раз к ним, чтобы антенну поправить или еще чего наверху сделать. А мама все время дома, в любой момент ключ дать может. Вот я его Венчику и дал. Там дверь сварная, из прутьев, и замок навесной. Он если вышел, то обратно его навесил и запер, а вошел – так через прутья руку протянул и опять-таки навесил и запер. Даже если кто-то придет проверить, то увидит, что замок висит, и уйдет.

Мы поднялись наверх, но нам пришлось довольно долго орать, пока из глубины чердака слышались шаркающие, медленные шаги, а там и Венчик появился. Сначала я испытала чувство величайшего облегчения, увидев, что он жив, а потом пришла в ужас – это был Венчик только по внешности, а вот по сути... Никогда неунывающий Венчик стал каким-то маленьким, съежившимся и жалким, а главное, его обычно веселые глаза – тусклыми и тоскливыми, как у больной собаки. Решение пришло немедленно, и в его правильности я ни на секунду не усомнилась.

– М... м... ма... – непослушными губами начал он, но я перебила его и тут же напустилась на него:

– Она самая! Матушка Татьяна Александровна! – бушевала я. – Почему ты не позвонил мне или не пришел и не сказал, что тебя из подвала выгнали? Я бы тут всех так расшугала, что мало никому не показалось бы! Ничего! Я еще наведаюсь в вашу управляющую компанию! Я еще кое с кем по душам поговорю! А сейчас пошли! – скомандовала я.

– К... к... куда? – робко спросил Венчик.

– На Кудыкину гору! – отрезала я. – Вылезай из своего подземелья! Точнее, поднебесья!

Дрожащими, замерзшими действительно до синевы руками он попытался отпереть замок, но я отобрала у него ключ и открыла сама, а ключ отдала мужчине:

– Спасибо вам большое, что не дали Венчику погибнуть. И маме вашей глубочайшую благодарность передайте за то, что подкармливала его.

– Да не она одна, тут многие для него покушать приносили. Еще когда он в подвале жил, – объяснил мужчина. – И благодарить не надо – что мы, нехристи, что ль?

Он ушел домой, а я, пока мы ждали лифт, вызвала такси, самое дешевое в нашем городе, рассудив так, что машины в этой фирме и так до жути грязные, что и изнутри, что снаружи, поэтому им уже ничего не повредит.

Как оказалось, хозяин задрипанных «Жигулей» придерживался другого мнения и, увидев грязного, как прах, Венчика, попытался сбежать. Пришлось брать его за горло и грозить всеми карами, земными и небесными. В результате мы все-таки погрузились в такси, и я дала водителю адрес квартиры своей бабушки. После ее смерти я практически ничего там не меняла, обстановка осталась старушечья, мебель и все остальное потрепанным и ветхим, то есть никакого особого урона Венчик и его вещи этой квартире нанести уже не могли.

Внутри квартиры было даже не тепло, а жарко. Начавший оттаивать Венчик прямо в коридоре опустился на пол – он явно засыпал. Снова надев перчатки, потому что трогать его голыми руками я побрезговала – мало ли какая зараза на нем может быть? – я принялась приводить его в чувство. В результате не без труда растолкала и даже придала вертикальное положение. Когда его взгляд стал осмысленным, я потребовала:

– Раздевайся до трусов! Все свои вещи выброси на балкон, а потом марш мыться! И не вздумай ванну наливать, а то еще уснешь там и захлебнешься! И дверь изнутри не закрывай, а то вдруг тебе плохо станет. Я сейчас проверю, что есть в холодильнике, докуплю недостающее, принесу, а потом поеду по делам. Если получится, вернусь вечером. Не получится – завтра рано утром. Кстати, у тебя в районе химкомбината знакомые есть?

– Как не быть? – уже голосом, отдаленно напоминавшим его прежний, удивился Венчик. – Есть у меня там дружки. Летом на островах рыбу ловим. Она, конечно, химией отдает, но ничего, есть можно.

– Все! Вопрос решен! Всем за дело!

Холодильник оказался практически пуст (заплесневевшие сыр и хлеб – не в счет), в морозилке, правда, лежала целая упаковка пельменей и котлеты, естественно, полуфабрикаты, но это оголодавшему Венчику было, как говорится, на один зуб. Пока я обследовала «закрома», он успел раздеться, выбросить свои тряпки на балкон, что я тщательно проконтролировала, и, когда я снова вышла в коридор, уже скрылся в ванной, откуда слышался звук льющейся воды.

Напомнив ему, чтобы не наливал себе ванну, что чистые полотенца в тумбочке, а постель в диване, я вышла и заперла снаружи дверь.

Совершив марш-бросок до ближайшего «Ашана» я затарилась не только хлебом, маслом, сыром, колбасой, полуфабрикатами и всем прочим, но и готовыми первыми блюдами в коробках: солянкой и борщом. Эти замороженные супы нужно было только положить в кастрюлю и разогреть. Короче, вопрос с пропитанием Венчика был решен.

Когда я вернулась, в квартире было тихо. Я осторожно заглянула в комнату и увидела, что Венчик спит на диване, судя по всему, беспробудным сном, что неудивительно – после стольких-то мытарств. Я тихонько убрала продукты и написала записку: «Венчик! Еда в холодильнике и морозилке, это все тебе. Разбери антресоль, там должны быть еще дедовские вещи. Он, конечно, был повыше и покрупнее тебя, но что-нибудь себе обязательно подберешь. Буду, как и говорила, или сегодня вечером, или завтра утром. Иванова». Оставив листок на столе в кухне, я тихонько ушла.

Время было уже к вечеру – как-то незаметно день пролетел. Фима Симанович, к которому я сейчас направлялась, работал, как теперь принято говорить, «дистанционно», то есть дома, причем на какую-то израильскую фирму, а деньги получал на электронный кошелек. Насчет налогов с этих сумм я даже не заикалась – его дело, уже не мальчик маленький, влипнет так влипнет. Дверь мне открыла Дора Семеновна и тут же радостно заявила:

– Ой, как хорошо, Татьяна Александровна, вы как раз к обеду. Сейчас мы все вместе и покушаем.

Я с самого утра ничего не ела, так что кушать хотелось зверски, но у меня была еще куча дел, вот и пришлось отказаться, сославшись на них же.

– Дела! Дела! – возмущенно воскликнула мадам Симанович. – Поверьте мне, что, когда вы заработаете себе язву, вы тут же забудете обо всех делах. Так не лучше ли забыть о них ненадолго и сейчас, чем потом всю жизнь помнить о ней?

Но я все равно отбилась и прошла в комнату Ефима, больше похожую на центр управления полетами, во всяком случае, всевозможного оборудования там было если и меньше, то ненамного. Тот был настолько погружен в свои компьютерные дела, что моего появления даже не заметил. Пришлось покашлять. Он очнулся, обрадовался и поздоровался.

– Фима, я по делу. Думаю, что у тебя оно займет совсем немного времени. Скажи, ты можешь выяснить, откуда на телефон приходят MMS?

– Татьяна Александровна, давайте для начала определим, что значит «откуда», – предложил он.

– Объясняю ситуацию, – начала я. – Моему клиенту на телефон уже почти месяц приходят нехорошие вещи. По опыту своей работы знаю, что обычно всякие гадости отправляют из общественных мест с бесплатным Wi-Fi, чтобы не засветиться. Но! По моим прикидкам завтра и в следующие дни эти бяки могут начать отправлять, уже не таясь, посчитав, что добились чего хотели. Не исключено, что из дома. Я не прошу тебя узнать точный адрес, но хотя бы максимально определить район, откуда их будут отправлять, можно?

– Я сделаю все, что смогу, – пообещал Фима.

– Ты пойми, дело очень деликатное. Если содержание послания станет известно кому-нибудь, кроме тебя, у меня будут такие неприятности, что мама не горюй! – очень серьезно сказала я.

– Татьяна Александровна! Разве я вас хоть раз подвел? – обиженно спросил парень.

– Нет, – признала я. – И мне очень не хочется, чтобы этот случай стал первым.

– Да это сообщение даже смотреть не буду, – пообещал он.

– У меня с собой смартфон, на который приходили MMS... – начала я, но он перебил меня:

– Дайте мне его на пару минут, я сниму с него все данные и верну вам. Мне этого хватит.

Занимался он с ним совсем не две минуты, а немного дольше, а потом, протягивая его мне, пообещал:

– Как только что-то будет, я вам позвоню.

- В любое время дня и ночи на любой телефон, - добавила я. - Это очень срочно и очень важно!

Выйдя от Симановичей, я тут же позвонила Кирьянову:

- Володя! Ты еще на работе? - голосом пай-девочки спросила я.

- Нет, уже дома, а что? - невозмутимо ответил он.

Я слегка обалдела - неужели я номером ошиблась?

- Но я тебе вроде на службу звоню, - растерянно сказала я.

- Тогда зачем спрашиваешь?

Ясно! Довели его уже до того, что он и на меня бросается.

- Киря, можно я к тебе зайду на пару минут? Просто уточнить кое-что надо, - жалобно попросила я.

- Так, ты же все равно придешь, даже если я буду отбиваться руками и ногами, - усмехнулся он. - Приходи, - вздохнул он. - Хоть отвлекусь немного. Сейчас я тебе пропуск закажу.

До Управы было недалеко, так что вызывать такси я не стала и пошла пешком, несмотря на снова начавший валить снег.

- Раздевайся и садись! Чай будешь? - пригласил меня Кирьянов, когда я вошла.

- Не надо - ты же знаешь, что я его не люблю, - отказалась я, присаживаясь к его столу. - И раздеваться не буду, потому что я на минутку.

- Ну, тогда излагай, что у тебя стряслось.

– Володя, что-то у тебя вид более утомленный, чем обычно. Работы много? – обеспокоенно спросила я.

– Таня, какой у нас сейчас год? – совсем не в тему спросил он, изрядно напугав меня – неужели все так плохо?

– 2018-й, – осторожно ответила я, добавив еще и число с днем недели.

– А что у нас в марте, кроме Международного женского дня?

– Все! Поняла! – с облегчением выдохнула я. – Выборы Президента страны. Прошла команда «Свистать всех наверх!», и вы работаете в аварийном режиме.

– Слава богу! Дошло! Ты бы, Татьяна, хоть иногда интересовалась, что вокруг тебя творится, а то, кроме своих дел, ничего и не видишь. Ладно! Так, что у тебя?

– Володечка, мне бы человека одного найти, а? Сам-то он, наверное, уже умер, так хоть его потомков. И у меня его адрес есть. У тебя же вроде в Пензенском областном управлении кто-то был?

– Да говори уж сразу, что запрос надо послать, – усмехнулся он.

– Ой, я о таком и мечтать не смела, – сделала вид, что смутилась я.

– Эх ты! Лиса-Алиса-подлиза! – тихонько рассмеялся он. – Пиши, кто тебе нужен! Но это будет завтра.

– А ответ, когда будет? – старательно записывая на листке данные Федора Павловича Кузьмина, осторожно спросила я.

– Танька! Во что ты в этот раз вляпалась? – устало спросил Володя.

– Киря! Я не вляпалась, – предельно серьезно ответила я. – Просто такого клиента у меня еще никогда не было. И, самое главное, что издеваются над ним внаглую, а он в силу ряда обстоятельств ничего в ответ сделать не может. Там, Володечка, 111-я во весь свой нехороший рост стоит! Причем часть четвертая, то

есть смерть потерпевшего, до которой рукой подать.

- Что же он в полицию не обратился, если такой важный? Или в ФСБ? - удивился он.

- А скажи мне, Киря, ты за кого больше всего боишься? За себя, за жену или за детей?

- Понял, не дурак, - покивал мне Володя. - В случае утечки информации...

- Вот именно! - выразительно произнесла я. - А дети у него еще младше твоих!

- Чем я тебе могу еще помочь? - спросил Киря, потому что дети для него были всем светом в окошке, и он очень хорошо понимал другого отца.

- Пока не знаю, я только сегодня за дело взялась, - пожала плечами я. - Покопаюсь немного, может, еще чего и появится. Да! - спохватилась я. - Ты мне с налоговой помощи, пожалуйста.

- Я же тебя со Славкой Игнатовым тогда свел, кто тебе еще нужен? - удивился Кирьянов.

- Да, понимаешь, у него по отношению ко мне некоторые поползновения были...

- Вспомнила баба, як девкой была! - воскликнул Володя. - Забудь! Он год назад женился, причем по большой любви. Так что можешь смело к нему обращаться. Он сейчас еще должен быть на работе.

- С какого перепуга? - удивилась я. - Ладно ты, борец с преступностью. Но налоговики-то зачем бдят?

- А у него ребенок маленький. А маленькие дети по ночам, бывает, плачут. Да так, что не уймешь. Вот он после работы хотя бы пару часиков на диване в кабинете поспит, а потом идет домой, где они с женой поочередно дочку укачивают.

– Значит, пойду выражать ему сочувствие. Только ты предварительно узнай все-таки, а то вдруг у него сегодня тот редкий день, когда он вовремя домой ушел.

– Таня! Вернись на землю. Люди сейчас налоговые декларации сдают! – напомнил мне Кирьянов. – Ты сама-то, кстати, об этом не забыла?

– До мая времени еще полно, успею! – отмахнулась я. – Но ты тем более позвони Игнатову, а то вдруг я приду, а он загружен так, что и поговорить со мной не сможет?

К счастью, оказалось, что Игнатов меня не забыл и хоть и занят, но время для меня найдет. И тут мне в голову пришла такая наглая мысль, что я даже не сразу решилась ее озвучить, а потом набралась смелости и сказала:

– Володечка! Если сейчас все бдят, то, может, и твой приятель из Пензы тоже на месте? Позвони ему, а? Ему же только трубку поднять, чтобы с райуправлением связаться, а то и с самим участковым? Он его озадачит и уже завтра ответ получит, а потом тебе его передаст. Ты у нас человек малопьющий, тебя мне не соблазнить, а вот ему я в подарок самый большой и красивый «фунфырик» куплю. Например, пятилитровую бутылку виски по его выбору.

– А меня как благодарить собираешься? Цветами? – рассмеялся Кирьянов, а потом уже серьезно спросил: – Здорово прижало, что ты так суетишься?

– Володя, во-первых, мне человека очень жалко, а во-вторых, гонорар будет такой, что я до лета смогу дурака валять, – честно ответила я. – Ты пойми, будь погода нормальная, я бы сама туда смоталась, но на улице сам видишь, что творится. А теперь представь себе, что творится на трассе? Про дорогу до этого села я даже не говорю. Я же там если на своей машине застряну, то и насмерть замерзнуть могу.

– Да уж! Промахнулась ты, когда этот пожарный «Ситроен» купила, – покачал головой он. – А ведь я тебе говорил, чтобы джип брала, тебе при твоей работе он в самый раз был бы.

– Ну, не подумала вовремя, – виновато потупилась я. – Не иначе как затмение на меня нашло.

– Черт с тобой! – обреченно сказал Кирия. – А то ведь с тебя станется туда поехать.

Он позвонил своему знакомому, который, к счастью, оказался на работе, все продиктовал, обнадежил шикарным подарком и получил в ответ обещание срочно все выяснить и отзвониться.

– Все поняла? – спросил меня Володя, положив трубку, и я с самым благодарным выражением лица покивала как китайский болванчик. – Как только что-то узнаю, тут же тебе позвоню. А теперь изыди отсюда – у меня еще дел полно.

Померсикав от всей глубины души, я тут же улетучилась. Выйдя из Управы, я вызвала такси и поехала в налоговую – раз сам Шестоपालов не озаботился узнать, как дела у его старших детей, значит, это предстояло сделать мне.

Вид у некогда щеголеватого и холеного Вячеслава Васильевича Игнатова был до того замученный, что я ему от души посочувствовала:

– Ничего, Слава, привыкнешь ты к детскому плачу. Солдаты на фронте, говорят, и под звук бомбежки спать умудрялись.

– А вот мне сказали, что это нужно просто перетерпеть, а потом, когда дочка постарше станет, уже так плакать не будет, – устало отозвался он. – Ну, что тебя интересует?

– Принадлежащее Николаю Алексеевичу Шестопалову и Наталье Алексеевне Чугуновой туристическое бюро «Турне-тур» – вот ведь идиотское название.

– А там и дела творились не умнее, – не удержавшись, зевнул Слава. – Только это не мой профиль. А чего интересуешься?

– Клиентка моя вляпалась с этим турбюро, вот и хочет узнать, есть возможность с них хоть что-нибудь получить или нет, – объяснила я.

– Так твои услуги ей дороже обойдутся, – усмехнулся он.

– Деньги, что она потеряла, для нее погоды не сделают. Для нее это дело принципа.

– Ясно, – кивнул он и, взяв трубку, позвонил по внутреннему. – Марина, я к тебе сейчас на пару слов свою знакомую приведу. Расскажи ей про «Турне-тур».

Пока мы с ним спускались на второй этаж, он мне объяснил:

– Дочь ее подруги замуж вышла и с мужем решила в свадебное путешествие отправиться, а что из этого вышло, ты сейчас услышишь. Марина об этом «Турне-тур» специально справки наводила.

Мы с ним зашли в один из кабинетов, где нас встретила усталая пожилая женщина.

– Совести у тебя, Славка, нет. Я ведь уже уходить собралась, – недовольно сказала она и обратилась уже ко мне: – Что вас интересует?

Игнатов вышел, а я выдала ей ту же информацию, что ему, и она только усмехнулась:

– Пустые хлопоты в казенном доме.

– А можно поподробнее? – попросила я. – Я буду очень благодарна. Кстати, какие у вас приятные духи. Это ведь «Частная коллекция» от Эсти Лаудер? Не так ли? Наверное, это ваши любимые?

– Да, я консервативна в своих вкусах. Принято считать, что это духи для бабушек, но...

– Не обращайтесь внимания! – поморщилась я. – Сейчас появились новые вариации этих духов, и они по-прежнему очень популярны у женщин всех возрастов. Конечно, у тех, кто может себе их позволить. Но извините, что я вас отвлекла своей болтовней.

– Да нет, ничего, – уже другим тоном сказала Марина. – Так что конкретно вас интересует?

– Все! – исчерпывающе ответила я.

– Финансовое положение у фирмы, мягко говоря, очень паршивое! Я вам вкратце объясню, а если что-то не поймете, спросите. «Турне-тур» появилась в 2005-м, причем не с кредитными, а со своими деньгами. Владельцев двое – брат с сестрой в равных долях. Обычно те, кто только входит в этот бизнес, начинают с недорогих, хорошо отработанных направлений, да и помещение снимают в каком-нибудь бизнес-центре, максимум две комнаты. А эти брат с сестрой арендовали отдельный офис в центре города и штат набрали такой, что только отдела кадров не хватало. Номинально брат был директором, сестра – его заместителем, а фактически всем занималась одна уже очень пожилая женщина, которая еще при Советах в туризме начала работать и была в этом отношении настоящим зубром. Цену она этим дуроплям знала и поэтому близко к делам не подпускала. Наряду с обычными направлениями были у них и эксклюзивные, но как единичные случаи. Все под присмотром этой женщины. Фирма не сказать, чтобы процветала, держалась где-то в середине списка, так что на жизнь хватало. А в 2014 году, когда туристический рынок обвалился, эти дуроплясы почти всех работников уволили, в том числе и ее. Они решили, что кризис затронул только средний класс, а богатые люди как ездили отдыхать, так и дальше будут, поэтому нужно специализироваться исключительно на дорогом отдыхе.

– Идиоты! – вздохнула я. – Ведь для этого связи нужны очень серьезные не только в России, но и за рубежом. И знания, как этот бизнес вести. Но, главное, с кем!

– Ничего не могу возразить, – поддержала меня она. – Некоторое время «Турне-тур» еще держалась на ранее заключенных договорах и контрактах, а потом у них все посыпалось! Из отдельного офиса они в бизнес-центр перебрались, в одну комнату, и пришлось брату брать банковский кредит под залог своей квартиры. На некоторое время это им помогло, но кардинально положение не исправило, так что квартиру он потерял. Второй кредит уже сестра брала, опять же под залог своей квартиры и с тем же результатом. Не знаю, откуда они взяли деньги, но прошлым летом организовали тур на Сейшелы на безумно выгодных условиях.

– А бесплатный сыр бывает только... – продолжать я не стала, все было и так понятно.

– Да! «Турне-тур» все проплатила, но, как потом оказалось, аферистам, потому что фирма-контрагент существовала только на бумаге. Люди прилетели на место, а там их никто не ждал. Пришлось вмешиваться Москве, чтобы их вывезти. Вернувшись, обманутые люди подали в суд, требуя возмещения материального и морального ущерба. Часть компенсаций эти дураплисы уже выплатили, но осталась еще довольно солидная часть, а денег им взять больше неоткуда. Они и так распродали все, что могли. Но клянутся и божатся, что все вернут. В общем, судом определен срок погашения по искам, и если он не будет соблюден, то фирма – банкрот.

– Там есть еще четырехкомнатная квартира их матери, – заметила я.

– Была! – выразительно произнесла Марина. – Мать они осенью спровадили в дом престарелых, а где они сами?.. – Она пожала плечами.

– Может, на отца надеются? Насколько мне известно, он достаточно состоятельный человек, – предположила я.

– Банкиры тоже думали, что он поможет своим детям, и обратились к нему, когда эти умники в первый раз вляпались. А он сказал: «Они люди взрослые, пусть отвечают за свои поступки сами». Все поняли, что он вмешиваться не будет, так что с тех пор никакого снисхождения им не было.

«Все ясно! Они надеются на дивиденды, которые получают после собрания акционеров. Именно этими деньгами они собираются рассчитаться с долгами», – подумала я.

Поблагодарив Марину за сведения и намекнув ей, что с памятью у меня все хорошо, так что духи – за мной, я вышла из налоговой и посмотрела на часы. Что ж, Венчик уже должен был немного отоспаться, а значит, созрел для общения – мне очень не хотелось вставать завтра ни свет ни заря, чтобы по морозу добираться до него и озадачивать поисками нужной информации. Подъехав на очередном такси к дому бабушки, я посмотрела вверх, увидела свет в окнах ее квартиры и обрадовалась – значит, будить Венчика не придется.

Войдя в знакомую до мельчайших трещинок на потолке квартиру, я в первый момент растерялась – это была явно не она, потому что такой чистоты там и при жизни бабушки не было. Идти в сапогах по чистейшему полу было бы настоящим

кощунством, поэтому я не только скинула пуховик, но и разулась, мельком отметив, что возле двери стояли не только раздолбанные башмаки, но и дедушкины валенки с галошами – разобрал, значит, Венчик антресоли. Заглянув в ванную, дверь в которую вела из коридора, я не поверила своим глазами – старый кафель сиял как новый, раковина и зеркало над ней были отмыты до блеска, из унитаза можно было смело пить воду, а если очень постараться, то и Волгу увидеть. Немного оправившись от первого шока, я пошла в комнату и увидела сидевшего в кресле рядом с телевизором Венчика, он слушал, именно слушал канал «Культура», а сам тем временем вдохновенно штопал носки, потому меня и не услышал. Пользуясь этим, я осмотрелась и шок накрыл меня по второму разу: люстра, стеклянные дверцы серванта «Хельга», некогда являвшегося предметом гордости советских людей, а также стоявшая в нем на полках посуда сияли так, что глаза слепило, нигде ни пылинки, в том числе и на лежавшем на полу старом паласе. На диване, в креслах и на столе были разложены дедушкины вещи, которые, судя по ножницам и коробке с нитками и иглами, Венчик подгонял под себя. В общем, шик, блеск, красота! Единственное, что портило впечатление, был застарелый запах махорки – иного средства «консервации» теплых вещей моя бабушка не признавала. Опасаясь третьего шока, в кухню я решила не ходить – хватит с меня на сегодня потрясений.

– Вот и пускай тебя после этого в дом! – шутливо проворчала я, проходя в комнату.

– Матушка Татьяна Александровна! – обрадовался Венчик и отложил свое рукоделие. – Весь день в трудах и заботах, аки пчелка! Небось и не поела! И не присела! Ох, не жалеешь ты себя! А ведь все для людей! Все для людей! Ну пойдем, я тебя кормить буду!

А есть-то хотелось зверски! А из кухни-то вкусно пахло! В общем, пришлось мне туда идти! И пока Венчик накрывал на стол, я заново знакомясь с еще утром грязнящей и засаленной, а теперь сиявшей чистотой кухней. На первое была солянка из пакета, на второе – сваренные, а потом обжаренные пельмени, на третье – кофе настоящий, хоть и не в турке, а в кастрюльке сваренный. Причем что посуда, что кастрюли со сковородой были как новые.

– Венчик! Может, мне тебя в домработницы взять? – чувствуя приятную осоловелость от непривычно обильного ужина, спросила я. – Пойдешь?

– Шутишь, матушка? – хихикнул он. – То, что я тут прибрался, так это исключительно из чувства благодарности. Да в охотку мне это было. А вот когда по обязанности? Сама знаешь, Татьяна Александровна, не для меня это. Я свободу люблю.

– Знаю, это я пошутила. Теперь давай о деле. Я смотрю, экипировку ты себе уже подготовил, значит, не замерзнешь. Только ты особо не выпендривайся, а то раскулачат тебя местные бомжи. Так ведь и насмерть замерзнуть недолго.

– Э нет, матушка! – со знанием дела покачал головой Аякс. – Это когда-то давно там за целые башмаки убить могли, а теперь другие времена настали. Ты, видать, давно в том районе не была, вот и не знаешь. А ведь это сейчас, почитай, самый богатый район в городе – люди-то на химкомбинате очень хорошие деньги получают! Я от знакомых своих точно знаю, что жители там совсем целые вещи на мусорку выносят! И в баки не бросают, а рядом кладут. А все только потому, что из моды вышли! Одевай да носи! Не-е-ет! Там теперь я буду на их фоне бедно выглядеть.

– Не спорю, тебе виднее. А задание тебе будет вот какое: мне нужно знать в мельчайших подробностях, что люди там говорят о генеральном директоре комбината Шестопалове: кто его друзья, кто враги, что у него с первой семьей, то есть женой и старшими детьми, потому что со второй я сама разберусь.

– Сложно это будет, – впервые на моей памяти озадаченно произнес Венчик, и я удивленно на него вытаращилась. – Ильич там в бо-о-ольшом почете. Все о нем как о спасителе, прости меня господи, – он истово перекрестился, – говорят. Если б не он, то от комбината сейчас и помину бы не осталось, как и от всех других заводов в Пролетарском районе. Да и не только в нем. Не дай бог, о нем худое слово сказать! Тут и ноги можно не успеть унести.

– Бомжи за него так переживают? – удивилась я.

– И они тоже, – вздохнул Венчик. – А уж если до серьезных людей дойдет, то пиши пропало!

– Ты о каких серьезных людях говоришь? – насторожилась я.

– Матушка Татьяна Александровна! – укоризненно воскликнул он. – Или ты про «химию» никогда не слыхала?

– А-а-а! Стройки народного хозяйства! Да, было такое наказание по нетяжким статьям. А еще освобожденных по УДО туда направляли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/serova_marina/medlennoe-ubiystvo

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)